

ВЛАСТЬЮ ДАННОЙ МНЕ,
ОБЪЯВЛЯЮ ТЕБЯ СВОЕЙ

ТЭССА
Рэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Властный

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

18+

ОТЕЦ ЖЕНИХА

Тэсса Рэй

Властный отец жениха

<https://litres.ru/74371387>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты, видимо, недооцениваешь ситуацию, Эмилия, – он сделал шаг ко мне, я попятилась назад и уперлась в стол. Воспользовавшись положением, Давыдов поставил руки с обеих сторон от меня, заключая в капкан, и склонился ближе к моему лицу, наверняка, перепуганному до чертиков. – Ты станешь моей. Сегодня. Завтра. Сколько тебе хватит сил сопротивляться?

Он взял из вазы со стола красное яблоко и задумчиво его рассматривал, при этом придавливая меня всем телом, склоняясь все ближе и ближе.

– Сколько потребуется – столько и буду! – фыркнула я, понимая, что выгляжу смешно. Тело меня уже начало предавать: сердце билось, как заведенное, щеки пылали, а голос сел. – Я тебе не трофей, Костя, чтобы меня завоевывать, а потом снова бросать, как ненужную и вообще я

Не смогла договорить, тихо пискнула от неожиданности, когда Давыдов заткнул мой рот этим самым яблоком.

Моргнула.

А он резко схватил меня за бедра и усадил на стол перед собой, с таким выражением лица, будто собирался съесть не яблоко, а меня

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	18
5	25
6	33
7	41
8	48
9	58
10	64
11	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Властный отец жениха

1

– Кажется, все идеально! – вдохновенно сказала я вслух. Сама себе.

Я вообще часто так делаю – разговариваю сама с собой. Все привыкли. Зато мне никогда не бывает скучно. Так и живем.

Стол накрыт в большой столовой в доме моих родителей. Отец раздавал вино из погреба, мама следила, чтобы всем было хорошо.

Очуметь – ужин перед свадьбой. Он уже наступил.

Влад, мой жених, сидел рядом, рассказывал моему дяде о своей новой покупке уверенно и просто. Накануне свадьбы решил купить бар! Первая трата трастового фонда отца, которого он ненавидит всеми фибрами души, и бар, по уши погрязший в долгах. Ну, супер!

Я не вмешиваюсь в это дело, ведь мы с Владом всегда полностью доверяли друг другу. Мне известно, что он давно мечтал о смене деятельности, и работа фотографом – это не единственное его увлечение. К тому же, вскоре он станет главой нашей семьи и моим супругом.

Господи, уже завтра! Поверить не могу!

Влад поймал мой взгляд и подмигнул. Я подмигнула ему

в ответ. Это наш привычный знак.

Почувствовала его руку на своей спине, тяжелую и спокойную. Он всегда так делал – просто клал руку, как будто отмечал: вот, ты здесь, ты, наконец-то моя.

Закрыла глаза, стараясь не замечать внутреннего голоса, который упорно подсовывал мне мысль о том, что я не чувствовала дрожи под ней. Той самой дрожи... Ну, вы понимаете.

Я чувствовала только тепло, как от хорошего пледа.

– Ох, милая моя, жду не дождусь завтра! – мамулечка подошла ко мне, погладила мою щеку, в глазах слезы. – Ты такая у меня красавица, все просто идеально!

Да, но... Все приготовления к свадьбе делала Эля, моя младшая сестра. Она выбирала цветы, торт, договаривалась с фотографом, даже свадебное путешествие помогла выбрать.

Представляю, как я ее задолбала своей свадьбой, что она даже не призналась, что закрутила роман со своим боссом-Романовым. (Между прочим, мы с Эрикой давно уже их шипперили!)

И хоть я суежилась и всех замучала приготовлениями, основную работу сделала младшенькая. А я... а я наблюдала за ней, как она создавала этот праздник для меня.

Родственников со стороны Влада было мало. Только его мама, тихая и уставшая женщина, и пара его друзей.

А еще за несколько дней до свадьбы Влад огорошил новостью:

– На ужин в пятницу должен прийти мой отец. Он узнал твое имя и фамилию и странно изменился в лице. Сказал: “Я должен прийти на нее взглянуть”.

– Ты меня пугаешь, – пошутила тогда я, тогда не придав значения его словам. Ох, зря-зря-зря...

Влад не знакомил меня с отцом, да и сам не особенно горел желанием с ним увидеться. Ненавидел его с детства за то, что он никогда не был рядом, а просто дорого откупился от единственного сына.

Я сидела за столом, как прибитая, и чувствовала себя сторонней наблюдательницей на собственном празднике. Все было красиво, правильно, но как будто не то. А что именно “не то”, я понять не могла.

Но потом все изменилось.

– Вот черт, он все-таки явился! – прошептал Влад весь внутренне напрягаясь.

Я не обернулась сразу, но пространство вокруг меня вдруг изменилось. Звуки стали приглушенными, как будто меня окутали толстой пленкой. Я уже так давно не испытывала этого ощущения!

Медленно повернула голову к двери и...

Да, твою ж мать!

Константин Давыдов.

Мир остановился. Абсолютно. Гул голосов исчез, свет от ламп стал резким и застывшим.

Его лицо, которое я помнила в деталях восемь лет назад.

Которое я изучала часами, любила и ненавидела. Теперь оно было старше, в нем появились новые линии, но глаза были точно такими же.

Он смотрел прямо на меня.

Все внутри меня рухнуло. Сначала пришло чистое физическое ощущение удара в грудь, как будто кто-то резко выбил из меня воздух. Потом начался холод. Он был сначала в пальцах и быстро распространился по всему телу, сковал мышцы. Я не могла двинуться.

Мой мозг пытался соединить несоединимые факты. Константин. Мой бывший преподаватель. Наш бурный роман и мое разбитое сердце.

Он – отец Влада? Да, у Влада фамилия матери – Немыкин. Поэтому я никогда бы не подумала, что... Черт, это какой-то сюр! Этого просто не может быть!

Я увидела, как взгляды Влада и Константина встретились.

Влад выглядел жестким и напряженным. Константин смотрел на него, потом снова на меня. В его взгляде было что-то невыносимое – смесь удивления, старой боли и какого-то неизбежного отчаяния.

Сердце билось тяжело и гулко. Я пыталась найти хоть одну мысль, хоть одно чувство, кроме всеобъемлющего шока. Но мысли не приходили.

Было только ощущение полного краха. Все, что было построено за последний год – отношения с Владом, доверие к нему, безопасность с ним, будущее – рассыпалось.

Константин сделал шаг вперед. Он что-то сказал. Я не услышала слов. Я видела только движение его губ, которые я помнила. И эти губы на мне... везде. Ох, за что мне это?

Все мое прошлое, которое я старательно запирала в самых дальних чертогах своей памяти, вырвалось наружу. Боль, страсть, потеря – все вернулось одновременно с удвоенной силой.

Влад обернулся ко мне. Он увидел мое лицо и тоже все понял. Он знал мою историю прошлого, но не знал, кем именно был тот человек. А теперь...

Свет в комнате начал меркнуть.

Все вокруг стало затягиваться темнотой. Звуки пропали.

Последним, что я увидела перед тем, как мир превратился в абсолютную черноту, было лицо Константина – лицо человека, который разрушил меня восемь лет назад и который теперь стоял в комнате как отец человека, за которого я должна выйти замуж завтра.

8 лет назад

– Опять опоздали, Саш, ну твою ж мать! – дразнила я своего парня, прижимаясь к его плечу.

– Ну а чо я, с таким стояком на пары пойду? – ворчал он, поправляя брюки.

Саша фыркнул, а Кирилл, его друг, шагавший сзади, закатил глаза. Мы его достали на каждом углу обжиматься.

– А я тебе предлагала свою помощь, – парировал а, видя, что он на самом деле не злился, его глаза весело блестели. – Помогла бы тебе ручками, – томно вздохнула я, играя. – Или язычком...

Саша наклонился к моему уху, и прошептал низо, игриво-угрожающе:

– Если ты не прекратишь дразнить меня прямо сейчас, сладкого сегодня не получишь. Никакого. Вообще.

Я остановилась, сделала преувеличенно-скорбное лицо, затем склонила голову в покорном жесте. И томно, с наигранной смиренностью, выдохнула:

– Слушаюсь, мой господин.

А потом я увидела лицо Саши.

Его ухмылка растворилась, будто ее смыло. И при этом он смотрел не на меня, а куда-то сквозь меня, через мое плечо.

Его глаза округлились от чистого, немомого ужаса. И Кирилл

тоже замер, как сурикат.

“Зараза!” – пронеслось у меня в голове.

Я медленно, слишком медленно, обернулась.

И наткнулась на стену. Но не из бетона. Из темной, тончайшей шерсти дорогого костюма. Я отшатнулась, подняла голову, и...

– Ой-ей...

Высокий мужчина, под метр девяносто, пожалуй. Он стоял так близко, что я ощущала исходящее от него тепло и легкий запах – не парфюмерии, а качественного мыла, свежей ткани и чего-то еще, неуловимого, как горный воздух.

Ему не было места здесь, в этом потрепанном студенческом коридоре. Он был чужеродным элементом, породистым хищником, забредшим в... курятник, пожалуй, точное слово.

Ему было чуть больше тридцати. Лицо с резкими, но идеально пропорциональными чертами: высокие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, твердая линия подбородка.

Волосы – темно-русые, густые, коротко и безупречно уложенные, будто только что из рук дорогого барбера.

Но главное – глаза. Светло-карие, почти янтарные, они смотрели на нашу троицу с безмятежным, леденящим спокойствием. В них не было ни гнева, ни удивления. Была лишь оценивающая ясность, как у ученого, рассматривающего под микроскопом странных, и слишком шумных инфузорий.

Он выглядел так, будто сошел со страницы “Форбс” или

с обложки менеджерского глянца. Как будто самый горячий и невозмутимый из олимпийских богов снизошел, приколади, – вести у нас, малолетних дурней, курс по корпоративному праву.

Он молчал. Тишина длилась всего несколько секунд, но они растянулись в вечность. И смотрел на меня – на мое лицо, еще хранящее следы недавнего глупого смеха, на мое платье, которое я сама для себя сшила, конечно же, укоротив чуть больше положенного.

Затем его взгляд медленно, с ленивой обреченностью, скользнул к Саше, потом к Кириллу, и снова вернулся ко мне. В уголке его рта дрогнула едва заметная мышца. Кто-то бы назвал это улыбкой, но я так не думаю.

– Опоздание, – произнес он наконец.

Его голос был низким, бархатистым, без единой повышающейся ноты. Он звучал тихо, но каждое слово отчеканивалось в абсолютной тишине аудитории с чистейшей дикцией.

– Добавляет интриги. Но в бизнесе, как и в юриспруденции, не пунктуальность – это не интрига. Это слабость. Займите свои места.

И он сделал легкий, почти незаметный жест рукой с папкой в сторону свободной парты.

Движение было исполнено такой естественной авторитетности, что мы, все трое, послушно и беспорядочно свалились за одну парту тремя задницами на два стула. И даже не вспомнили, что нужно извиниться.

Я сидела зажатая двумя друзьями-придурками, чувствуя его взгляд на себе, но не смела поднять глаза. Стыд смешался с каким-то неуместным любопытством.

– Меня зовут Давыдов Константин Александрович, я буду вести у вас курс по корпоративному праву, равный половине семестра, то есть...

Дальше я не слышала.

Шум в ушах отбивал там-тамом, а шея горела красными пятнами и уже далеко не от стыда.

Ох, и если он собирается вести у нас целый курс, то мне, пожалуй, следует обзавестись сменной парой трусиков. Целый курс во влажных фантазиях – это вам мне шутки!

И не осуждаем! У вас бы вел наискучнейший предмет такой мужчина – я бы на вас посмотрела.

Мы сидели в студенческой столовой, обложившись чашками с дрянным кофе и остатками сомнительных пирожков.

Обсуждение нового преподавателя по корпоративному праву, а-ля небожителя в идеальном костюме, не утихало со дня его первого семинара.

Он стал универсальной темой – от ужаса перед его холодной точностью надиктовывания материала просто по памяти – до фантазий, которые некоторые позволяли себе вполголоса.

– А, спорим, я его трахну? – вдруг, резко и громко, выпалила Алинка.

Я поморщилась. Однокурсница всегда действовала на меня именно так – ее нарочитая, грубая провокационность, эта постоянная игра в “я самая отвязная”.

– Да он же тебе в отцы, блин, годится! – я выплюнула это с искренним недоумением.

Алинка лишь презрительно шурилась, подергивая своим костлявым плечом.

– Нифига. Я узнала. Ему всего тридцать пять. Моему бате сорок пять, так что формально не годится.

– Ну хорошо, в старшие братья, – не унималась я, чувствуя, как раздражение пульсирует в висках. – Ну он же старый. У него может уже и не встать.

Вокруг гоготали. Кирилл фыркнул чаем из носа. Мой Сашка качал головой со смешанным выражением – и восхищения перед Алинкиной “дурью”, и легкого стыда за весь этот разговор.

– Он просто холодный, как глыбина, – вставила тихая Маша из нашей группы, пытаясь как бы смягчить. – Он на вас и на тебя, Алинка, даже внимания не обратит.

– А нафига мне его внимание, – парировала Алинка, намеренно выгибая спину. – Мне нужна его техника. Думаю, у таких мужчин она отточена. Интересно, сколько техник кунилингуса он может воспроизвести по памяти?

Гоготание стало еще громче.

А мне хотелось выдать, что такие, как он существуют в другой системе координат, где слова “трахнуть” просто не имеют смысла... Ну или имеют, но совершенно другой. Не тот, о котором мы, все еще как будто застрявшие в пубертате, постоянно думаем.

А мне так вообще не о чем думать. При всей моей бравате и моем притворстве, у нас с Сашкой до сих пор еще ничего не было, кроме поцелуев и легкого петтинга. Я до сих пор не сказала ему... никому вообще, что до сих пор еще девственница.

Каждый раз, когда его рука скользит по моей спине, когда он горячо шепчет что-то на ухо, а потом замирает, глядя в глаза, я чувствую, как внутри все сжимается. Не от страха – скорее от того, что я не знаю, как переступить эту черту.

Я ведь сама себя убедила, что я смелая, что мне плевать на все эти условности, что современная девушка сама решает, когда и с кем. Но когда наступает момент, когда нужно сделать шаг, я отступаю.

Сашка, наверное, думает, что я просто такая – разборчивая, капризная. Что я жду особенного настроения, романтики.

А я боюсь, что он увидит мою неопытность, что ему станет скучно или, еще хуже, что он посмеется.

И если я все испорчу? Если он поймет, что я не та, за кого себя выдаю?

Подруги уже давно все прошли. Они обсуждают свои истории с таким видом, будто это что-то обыденное, вроде похода в магазин. А я сижу и молчу, киваю, делаю вид, что мне тоже есть что вспомнить. Но внутри – пустота и страх разоблачения.

Иногда мне кажется, что они догадываются. Поэтому моя ложная бравада такая яркая, а одежда такая вызывающая.

Я пыталась представить, как это будет. В моей голове это всегда музыка, полумрак, много нежности и ни капли неловкости. Но реальность, она ведь другая.

Реальность – это скрип кровати, мысли о том, побрила ли я ноги, и вопрос: а не будет ли больно? Я читала, что у всех по-разному, но все равно боюсь.

И вдруг сквозь мысли я заметила, что гоготание вокруг внезапно, как по команде, прекратилось.

А я, все еще сидя на своем месте, чувствовала. Не видела еще. Но чувствовала. Ту самую энергию. Тягучее, плотное присутствие, которое накрыло меня тогда в аудитории.

Я не обернулась сразу. Наш стол опустел за десять секунд. Все мои однокурсники разбежались в рассыпную. Как тараканы, когда включают свет. Предатели!

И только я осталась сидеть, потому что мои ноги стали будто из бетона. Ну и еще потому что крой моей новой юбки не позволял совершать резкие действия.

Повернула голову.

Давыдов стоял рядом с нашим опустевшим столом. Не в костюме сегодня, а в темных, идеально скроенных брюках и простой, но дорогой белой рубашке с расстегнутой на одну пуговицу верхней частью. Руки были опущены, одна из них держала планшет из матовой кожи.

Он вообще не смотрел на убегающих студентов. Он смотрел прямо на меня.

Его светло-карие глаза были непроницаемы. На его лице не было ни гнева, ни осуждения. Было лишь... наблюдение.

И я поняла, что он все слышал. Каждое слово. Про “старый”, “не встанет” и прочую чушь.

– Зайдите ко мне в кабинет, как у вас будет время, Сапрыкина.

Ой-ей...

8 лет назад

Я долго не решалась зайти, но не стоять же под дверью, когда все проходят и смотрят на тебя как на оленя с выпученными глазами.

Постучала, услышала низкое “Входите” и почувствовала, как сердце сделало прыжок. Как мне нравился его голос, мама дорогая!

Внутри было обычно. Ничем не примечательный кабинет. Большой стол, несколько стеллажей с книгами в идеальном порядке, ничего личного. Но пространство ощущалось как операционная.

Давыдов сидел за столом, не глядя на меня, изучая что-то на экране ноутбука. И я поняла, что этому кабинету, в принципе вообще ничего не нужно: ни мебель, не декорации. Его присутствие вытеснило все остальное.

– Садитесь, Эмилия, – сказал он, не отрывая глаз от экрана.

Я осторожно опустилась в кресло перед столом, чувствуя, как жесткая ткань моей собственной, самостоятельно перешитого корсета (старый пиджак, новый покрой) касается кожи. Это маленькое, знакомое ощущение дало мне крошечную точку опоры.

Константин Александрович отодвинулся от стола и встал

медленно, почти лениво.

Нет... слово “лениво” не подходило.

Это была походка огромного, уверенного в своей силе хищника, который экономит энергию, потому что знает: добыча не убежит. Да, вот так он ходил.

Он сделал несколько шагов к окну и остановился, и выглядел при этом, сволоочь, так, как будто он – владелец всего, что находится в поле зрения.

– Почему, – начал он, – вы выбрали для семинарской работы тему “Интеллектуальная собственность в индустрии моды: правовые риски копирования дизайна”?

Он прочитал мою работу. Видел все мои ссылки на конкретные случаи, на патентные споры, на тонкости защиты авторских прав на модели одежды. Он видел и то, что сквозь сухой юридический язык там неизбежно проскальзывало понимание ткани, кроя и любовь к самому процессу.

– Ну, это область мне интересна, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Защита дизайна – это не только о бумагах. Это про защиту оригинальных изделий.

Давыдов молчал секунду. Затем его бровь – одна, левая – медленно, почти невесомо, пошла вверх.

Одно. Одно минимальное движение перевесило все громкие реакции, которые я видела от других людей. Да, как он это делал?

– Из вашей работы, – произнес он, – становится очевидно одно. У вас нет особого таланта к юридическому анализу в

его классическом понимании. Нет врожденных сверхспособностей к чтению нормативных актов или построению сложных логических схем правовых отношений.

Каждое слово было сказано с намерением глубоко меня задеть. И у него получилось. Я чувствовала, как стыд и обида проникает не только в сознание, но и физически – под кожу.

– Но, – продолжил он, и его глаза, эти светло-карие, почти золотистые глаза, зафиксировались на мне, – у вас очевидно есть понимание структуры моделирования. Не юридического, а материального. Вы говорите о защите дизайнера не как об абстрактной правовой категории.

– Что-что? – нахмурилась я ни черта не понимая, чем доказывала еще больше его слова.

– Вы пытаетесь увидеть закон через призму... шитья, – пояснил он, немного устало.

Устал от моей глупости. Я и сама, порой от нее устаю, чувствую.

Он сделал паузу. Ненавижу, когда так делают. Он же не театрал, блин!

– Мне... нравится шить.

– Тогда зачем вы, Эмилия, – он произнес мое имя и меня бросило в пот, мелкий и мгновенный, – учитесь на юриста?

Я пыталась найти достойный ответ на его вопрос, но не смогла.

Истина была проста и нелепа: я и сама не знала, зачем туда пошла. Наверное, подсознательно думала, что шитьем не

смогу заработать, а вот юристы – они всегда казались такими умными, неуязвимыми, крутыми. Их мир был миром порядка и силы, в который мне, казалось, нужно было встроиться.

Но сказать это вслух? Нет. Я еще в своем уме.

Я ответила другое, тоже честное:

– Потому что это самая сложная профессия, которую я знаю.

Он замер на мгновение. Потом медленно, слишком медленно, повторил:

– Вот как? Любите сложности?

Его взгляд скользнул по моему лицу, будто ища подтверждения или опровержения.

– Вам сколько? Двадцать?

– Да, скоро будет, – выдохнула я.

Он как-то поморщился, легкая тень раздражения или досады скользнула по его лицу, будто мой юный возраст был для него личной проблемой, досадной неточностью в его расчетах.

Это выражение длилось долю секунды, но я его поймала. Поймала и почувствовала внезапный укол странной обиды.

Он смотрел на меня как на ребенка, затесавшегося не на свое место.

И тогда он подошел с той же хищной, неспешной грацией. Остановился так близко, что я почувствовала его запах парфюма, который теперь преследовал меня.

Он наклонился, поставил руки на подлокотники моего

кресла, замыкая меня в пространстве между своими руками. Я вжалась в спинку, не в силах оторвать от него глаз.

Его лицо было теперь совсем рядом, его голос снизился до интимного, опасного полусшепота.

– Вы не сдадите мой предмет, Эмилия, – сказал он без тени сомнения.

Он сделал паузу, давая этим словам проникнуть внутрь, достичь самой уязвимой точки.

– Но есть альтернативные способы оценки знаний, – продолжил он, и его взгляд скользнул по моим губам, потом вернулся к глазам.

Намек был кристально ясен.

Шок окатил меня ледяной волной. Мыслей не было. Была только физическая реакция, чистая, животная. Рука взметнулась сама собой, до того, как мозг успел ее отдернуть.

Звук пощечины был негромким, но хлестким.

Я сама застыла от ужаса, глядя на свою горящую ладонь.

А он не отшатнулся. Он даже не моргнул. Только на его идеально выбритой щеке медленно проступил легкий розовый след.

Он медленно выпрямился, освобождая пространство вокруг меня. Его лицо было абсолютно непроницаемым.

В глазах появилось лишь легкое удивление. Как будто сложный, но предсказуемый механизм вдруг дал сбой, совершив совершенно иррациональное движение.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел. А я, вся дрожа из-

нутри, чувствовала, как по моей спине стекает ледяной пот.
Твою мать, твою мать!

Я только что ударила, возможно, самого влиятельного человека, которого когда-либо встречала.

Давыдов вдруг улыбнулся, в уголках его глаз собрались тонкие лучики, которые делали лицо менее строгим.

– Хорошая девочка, – сказал он спокойно. – Я рад, что ты отказалась.

Мой мозг пытался переварить эти слова, связать их с тем, что произошло секунду назад.

– Вы-вы... это была шутка? Проверка?

– Можно сказать и так, Эмилия, – ответил он, отходя к своему столу и делая пару шагов так естественно, будто ничего не произошло. – Иди на занятия. И... да, не надейся сдать с первого раза. Про то, что ты слабовата в юриспруденции, я не врал.

Он говорил это так просто, как будто обсуждал погоду. Без угроз, без давления. Это было фактом, который он отметил и оставил на потом.

Я вышла из кабинета шатаясь от шока.

Сначала тело двигалось автоматически – ноги шагали по коридору, руки держали сумку. Но внутри все клокотало. Мысли путались, пытаюсь собрать воедино картинку: его намек, моя резкая реакция, его странное спокойствие после.

И тогда, среди этого хаоса, я осознала другое. Что при всей этой нервной дрожи, при всей неразберихе в голове, у

меня все между ног стянуло тягучей болью от возбуждения.

Как будто тело жило своей жизнью и запомнило не угрозу, а то мгновение, когда он навис надо мной – его близость, его голос, его контроль.

Запомнило и отозвалось, противясь моему собственному ужасу и чувству неловкости.

Охренеть, каким будет веселым обучение!

Настоящее

Пришла в себя по ощущениям сразу же. Надо мной было лицо мамы, полное тревоги, и парня сестры. Кажется он был врачом. Гинекологом. Возомнившим, будто может помочь мне собрать сердце по частям. Не по той части, приятель!

– Милая, как ты? – у мамы снова слезы на глазах, но уже другие, но очень знакомые.

Восемь лет назад, она смотрела на меня с той же беспомощной болью, наблюдая, как я пытаюсь жить заново с разбитым сердцем.

Гул голосов напряженный, взволнованный. Идеальный вечер превратился в хаос. Самый настоящий.

Первым, кого я четко увидела, когда встала на ноги, был Константин. Он стоял в нескольких шагах, его лицо было бледным.

Он попытался приблизиться, что-то сказать, но мои сестры мягко, но твердо отодвинули его. Я не слышала его слов. Каждый взгляд на его лицо вызывал новый виток головокружения.

– А где Влад? – сипло спросила я, не узнавая собственный голос.

– Милая, прости, но он... он уехал, – сообщила мама мяг-

ко.

– Как уехал?

Лицо моего жениха, когда он все понял, я видела лишь секунду перед тем, как все потемнело. Он соединил все кусочки пазла и...

Боже, не представляю его шок! Человек, о котором я рассказывала – тот, который разбил мне сердце – это был его отец. Человек, которого он ненавидит – тот, которого я когда-то любила. Это же какой-то сериал для извращенцев!

Я поднялась. Ноги были слабыми, но я могла стоять. Я не обратила внимания на родственников, на их растерянные взгляды.

– Эмилия, могу я с тобой поговорить, – его голос я узнала бы из миллиона! Но сегодня он был абсолютно чужим. Можно сказать, ненавистным.

Я остановила его попытку приблизиться взмахом руки и сказала только одно:

– Я должна найти Влада.

Подобрав длинную юбку белого вечернего платья, которое сама для себя сшила, я прошла через комнату, где все замерли и молча наблюдали.

Я видела грусть на лицах своих родителей, испуг на лице Эли и Эрики, моих сестер, неопишное напряжение на лице матери Влада. Еще бы!

Вышла на улицу. Дыхание стало четче. Я дошла до парковки. Моя машина стояла там. Я открыла ее, села внутрь.

Платье мешало, я откинула его края. А оно зацепилось за педаль. Я резко дернула и порвала его.

– Черт, черт! Черт!

Орала на туфли, на платье, на машину, но толку? Легче не становилось. В груди жгло, будто я в эпицентре пожара, и с каждым вдохом огонь пробирался ко мне в легкие.

Да простят меня все те, кто реально попадал в такую передрягу с пожарами, но мои ощущения были именно такими.

Еще и Элькин робот-босс с этой царской фамилией встал посреди дороги. Откуда в нем это желание стать последним из рода Романовых?

– Хэй, большой босс, уйди с дороги! – орала на него я, как мне казалось воинственно. – Хочешь, чтобы я тебя переехала?

– Хочу, чтобы ты пересела на пассажирское сиденье. Я поведу. – Скомандовал Романов, открыв дверь.

А он правда любитель раздавать указания. Теперь я Эльку понимаю. Тиран! Но, главное, сработало!

Я сначала немного побесилась (или не немного), но потом все равно, послушно пересела, освобождая для него место.

В самом деле, куда я собралась ехать? Во мне бокала три шампанского и столько же стаканов воды с успокоительным. Гремучая смесь! Как кашель со слабительным... но не будем о детских травмах.

– Почему ты не начинаешь читать мне нотации? – буркнула я.

– А должен?

В самом деле. Не должен.

Мы говорили, но о чем... я сразу же забыла. Все мысли были о моем женихе. И о его отце. О женихе и снова об отце! Так и спятить можно!

Простонала, злясь на себя за это, и помассировала виски.

Нужно было сосредоточиться на том, куда мог поехать Влад. Мы уже давно покинули узкие улочки и выехали на широкое шоссе, которое разветвлялось в нескольких направлениях.

– Мы наконец поговорим о тебе? – спросил меня Романов, выхватив суть из нашего пустого диалога. Хотя, надо отдать ему должное, он пытался отвлечь меня. Не получалось.

Я автоматически набирала номер Влада, у которого, конечно же, был недоступен абонент. Мысли крутились с такой скоростью, что казалось, голова расколется.

Появление Константина. Моя реакция. Обморок. Это самый веский довод не пороть горячку. Не выходить замуж завтра.

Я должна была устоять. Я должна была схватить руку Влада и держать ее. А вместо этого я просто рухнула. Выключилась.

Почему? Почему его появление довело меня до обморока?

Потому что это был не просто человек из прошлого. Это был человек, который разбил меня. Предал. Променял меня

на власть и связи. Женился на богатенькой стерве, чтобы получить “ключ к городу”.

Он выбрал выгодную партию вместо меня. Он выбрал свое будущее вместо чувств. Он оставил меня в полном хаосе, из которого я потом годами выбиралась.

И теперь он появился здесь. Чтобы что? Чтобы поговорить? О чем? О том, как он сломал меня восемь лет назад? О том, что теперь его сын собирается жениться на той, которую он бросил? Это абсурд. Это какая-то черная, нелепая комедия.

Я восемь лет пыталась его забыть! Я вычеркивала его из своих мыслей, из своих воспоминаний. Я говорила себе, что это был урок, болезненный, но необходимый. Я строила свою жизнь дальше. Не сразу. Долго. Очень долго.

И только Влад смог склеить мое сердце заново. Не починить. Не вылечить. А склеить. Криво, на живую нитку, на ладан.

Он не пытался заменить то, что было разрушено. Он просто взял эти разбитые части и осторожно собрал их вместе, не спрашивая, как они выглядели когда-то целыми. Он дал мне безопасность. Он дал мне тепло. Он дал мне уверенность в том, что меня не бросят завтра ради какой-то выгоды. Он был противоположностью Константина абсолютно во всем.

И теперь человек, который был противоположностью всего хорошего, оказался его отцом. Физическим отцом. Чело-

веком, которого Влад ненавидит.

Боже!

Я схватилась за голову.

Ненавижу тебя, Константин Давыдов. Чтоб тебя!

Бедный мой хороший Влад. Оказался в центре этой кошмарной истории из-за того, что я была душой и влюбилась в преподавателя.

– Свадьбы не будет, – после раздумий сказала я вслух, решив это с точностью. – Это все, что я за сегодня поняла.

– Тебе жаль? – спросил меня Романов.

Какой правильный вопрос. Я думала над ответом, глядя в темноту за окном. Пока я не разберусь в себе. Пока мы с Владом вместе это не переживем – будет ошибкой вступать в брак. Большой и болезненной ошибкой.

Потом сказала:

– Жаль только папу и его потраченные нервы и деньги. Это он все оплачивал, как подарок для меня. И Эльку я за все это время потрепала. Она у меня, как организатор, всю свадьбу почти сама сделала...

– Ты сказала, что свадьбу организовала Эля? Всю?

Я кивнула, не понимая, к чему он об этом спрашивал. А потом, как поняла!

– Эмма? Что ты скажешь, если свадьба все равно случится, но... но невестой будешь не ты?

Вот это поворот!

Романов готов позвать мою сестру замуж и теперь сама

свадьба не пропадет! Это же офигенные новости!

И Эльчик, наш любимый Эльчик выйдет замуж за Романова? Своего босса, которого боялась, как стихийное бедствие.
(прим. автора. Роман про Элю и Романова можно прочитать тут: "[Муж подруги. Необычная услуга](#)")

Я так обрадовалась, что чуть не бросилась его целовать от радости за сестренку.

Мгновение было искренним и светлым. Все складывалось. Планы не рушились. Люди, которые действительно любили друг друга, получали свой день.

Я уже была готова бесцеремонно расцеловать будущего зятя. Но тут заметила машину своего жениха.

Черный силуэт знакомого автомобиля стоял на краю узкой лесной дороги, ведущей к старому пруду.

– Останови машину! – резко заверещала я. – Он тут! Влад нашелся!

Романов, не понимая, но подчиняясь моему тону, резко затормозил.

Выскочила из машины еще до того, как она полностью остановилась, и побежала по дорожке, ведущей к пруду.

Я знала это место. Тут когда-то погибла его младшая сестра. Это было его частное, закрытое от всех место его боли.

Тяжелый, влажный воздух, запах сырой земли и старой воды – все это было частью его самого тяжелого воспоминания.

Если он был здесь, сегодня, в день перед нашей свадьбой,

значит, все было хуже, чем я могла предположить.

Ноги подкашивались на неровной грунтовой дорожке. Вечернее платье цеплялось за низкие ветки.

Увидела его силуэт. Он стоял на небольшом деревянном мостике, который вел к самой воде. Стоял неподвижно, спиной к дороге, смотря в темную, почти черную гладь пруда.

Он почувствовал мое приближение и обернулся. И как будто бы не был рад моему появлению.

Это было больно. Я всегда видела на его лице только обожание, открытость, готовность принять меня в любой момент. Сейчас его взгляд был пустым.

Я все равно подошла и жалобно сказала, назвав его так, как всегда называла в самые наши тихие, личные моменты:

– Привет, мой милый Сталкер. Поговорим?

Два года назад

– Ох, и трахался он, как боженька! – Мечтательно проговорила я, ушивая платье на своей стажерке, которая вызвалась подработать еще и моделью для фотосессии.

– Что, он был у тебя первым?

– Да, был... только вспомню о том, что он со мной вытворял, – говорила я о своем единственном и неповторимом романе с преподавателем. – До мокрых трусов, честное слово! Кончать по три-четыре раза за ночь – вот это, я понимаю, уровень!

Если, конечно, заткнуть подальше боль, которую этот же человек и причинил, то рассказ выходит очень даже пикантным. Впервые кому-то открылась, кроме сестер. Моя Лерочка-лапушка располагает к болтовне – это факт.

Лерочка сама слушала меня разинув рот. Она любила спрашивать у меня в подробностях о моем самом безумном и одновременно больном периоде в жизни.

– Я пока еще не знаю, о ком вы, но я готов перебить этот рекорд, красавица, – прозвучал приятный голос молодого человека.

Мы обе вздрогнули, и я нечаянно уколола свою будущую ассистентку иголкой. Она взвизгнула и рассмеялась.

– О, прости, детка, – извиняясь улыбнулась я, поглаживая

место, куда ее уколола. Кожа да кости у моей модельки! Она, что, совсем не ест?

Вспомнив о посетителе, я обернулась, ожидая увидеть очередного курьера с тканями или заказчика, который пришел без звонка.

Но на пороге стоял незнакомый молодой человек. Он был на пару лет младше меня – это читалось в открытом, почти мальчишеском выражении лица.

Симпатичный. Очень даже!

Спортивная, подтянутая фигура просматривалась даже через простую одежду.

Его улыбка, когда он заметил меня, оказалась обаятельной, доброй и какой-то невероятно теплой, словно он принес с собой кусочек солнца.

И он смотрел прямо на меня. Не на Леру, мою модель и ассистентку, не на разбросанные эскизы или яркие лоскуты. Он смотрел на меня с чистым, нескрываемым восторгом.

И я вдруг осознала, что стою в своем рабочем платье для фотосессии – образе, который мы сегодня готовили с Лерой. Платье было с откровенным декольте, и ткань, облегающая фигуру, выглядела здесь, в мастерской, почти вызывающе.

Я почувствовала легкую неловкость, но парень уже “поплыл”. Он быстро попытался собраться, но взгляд все равно был таким прямым и восхищенным, что стало понятно: все, это краш.

Лерочка, моя ассистентка, которая обычно была центром

внимания любого мужчины, пришедшего в мастерскую – молодая, стройная, с идеальными чертами лица – явно смотрела на парня, пуская слюни.

Они были одного поколения, их возраст, интересы, даже стиль – казалось, все говорило о том, что они больше подходят друг другу. Лера не скрывала своего интереса, слегка выпрямилась и бросила на него тот особый, игривый взгляд, который обычно работал безотказно.

Но парень, сделав короткий, вежливый кивок в ее сторону, сразу же вернул внимание ко мне. Его теплая улыбка теперь была направлена только на меня. Он сделал шаг вперед, немного неуверенно, как школьник, и сказал:

– Здравствуйте. Мне нужна... эмм... Эмилия Сапрыкина и пожалуйста-пожалуйста, пусть это будете вы.

– Это я, – невозможно было устоять, я улыбнулась. А потом быстро себя одернула.

Как бы не так, молодой человек, вы слишком много слышали о моем интимном прошлом. Теперь мне придется долго и упорно доказывать, что я – девушка приличная.

Ха! Не в этом платье, Эмма. Не с этим декольте...

– А вы, должно быть, Влад Немыкин, которому я заплатила кучу денег. Кстати, портфолио – огонь! Вы умеете обращаться со своим причиндалом...

Я кивнула в сторону его фотоаппарата, висящего на груди, а потом поняла, что сказала и мгновенно залилась краской. Лера тихо прыснула со смеху за моей спиной.

Парень улыбнулся такой улыбкой, что я на секунду забыла, как меня зовут.

– Я бы с радостью вам это продемонстрировал! – проговорил он с хитрой ухмылкой, оглядывая меня с ног до головы. – Но давайте сначала поработаем.

Лера за моей спиной продолжала хихикать.

– Влад, значит, – одернула себя я, стараясь сохранить серьезное лицо. – Проходите, показывайте технику.

Да ну, блин! Опять звучит двусмысленно!

– Всему свое время, всему свое время... – почти промурлыкал он, улыбаясь и прошел мимо меня, оставляя запах кофе и чего-то древесного. – С чего начнем?

Пока он распаковывал оборудование, я заметила, как Лера украдкой поправляет волосы. Она покраснела до кончиков ушей.

– Влад, – представился он, протягивая руку Лере. – Ты модель?

– Ассистентка. Ну и модель на сегодня. Я – Лера, – выдохнула она явно млея от парня.

Я вздохнула. У Амура явно прицел сбит. Они были бы идеальной парой.

Первый час съемки я поняла, что Влад – не просто красивый парень. Он выставил свет так, что мои платья заиграли, будто их шили в Париже. Я тоже надевала платья, чтобы работа шла быстрее, пока Лера переодевалась.

Он командовал: “Поворот, выше плечо, взгляд на меня –

нет, не так, вот так, как будто вы влюблены в этот шелк”.

Я смеялась, потому что он подкалывал меня каждые пять минут.

– Ох, а это что такое! – крикнул он, когда я сменила позу. – Эмилия, вы стоите, как будто у вас болит спина. А нужно стоять так, будто вы говорите миру: “Я крутая, и платье тоже”.

– Вы еще и провидец? У меня и правда спина болит, – улыбалась я.

– Тогда представьте, что вы идете по красной дорожке, а у вас за спиной стоят те, кто говорил, что у вас ничего не выйдет. И вы показываете им фак.

Лера приснула со смеху, я тоже не смогла сдержаться.

– Ладно, уговорили. Фак так фак.

К обеду мы отсняли несколько образов. Влад перетаскивал освещение, менял фоны и успевал шутить про каждый мой жест.

– Знаете, я сначала думал, что дизайнеры одежды – скучные люди в очках и с вечными карандашами за ухом, – сказал он, настраивая камеру. – А вы – красивая девушка с отличным вкусом. Я был не прав.

– Просто я хорошо вам плачу, – парировала я. – Вы бы и не такое сказали, верно?

– Обычно я вообще не разговариваю с моделями. Это было бы странно, ведь мои последние фотосессии были для фуд-блогера и заводчика шпицов...

Мы с Лерой снова засмеялись.

К семи вечера мы выдохлись все трое. Я упала на диванчик в нашей мастерской, сняла туфли и простонала:

– Поверить не могу, что завтра еще одни съемки в магазине! Я больше никогда не надену каблук.

– А зря, – сказал Влад, убирая камеру в чехол. – У вас красивые ноги. И я не потому, что я фотограф и вы мне платите, а потому что я мужчина.

Я закатила глаза, но щеки предательски покраснели. Лера стояла бледная, теребя бахрому на своей рубашке.

– Так, – Влад хлопнул в ладоши, – работа выполнена на пять с плюсом, но это надо отметить. Девушки, приглашаю вас в бар. У нас напротив открылся “Шепот” – довольно странное название для места, где слишком громкая музыка, но такого темного эля вы еще не пробовали!

– Я очень устала, – начала я.

– Я тоже, – подхватила Лера, но с какой-то другой интонацией.

– Тем более! – Влад уже стоял у двери с сумками. – По бокалу. И сыр с клюквенным соусом там лучший.

Я положила руку на живот, который отозвался призывом на слова о еде и посмотрела на Леру. Та, вообще, похоже, одним святым духом питается.

Никогда не спрашивала, что у нее происходит в жизни, но явно она проживает не самые лучшие времена, раз уж хватается за любую работу.

Она кивнула с напряженной улыбкой:

– Пойдемте, Эмилия Николаевна, сыр с клюквенным соусом звучит вкусно.

Бар был маленьким, со свечами и запахом солода. Мы сели за столик, и Влад сразу заказал три пива.

– За ваше расширение! – поднял он бокал. – За ваш сайт, за вашу смелость, и за то, что вы меня наняли.

– Ты еще не все сделал, – сказала я, отпивая глоток. – И давай на “ты”?

– Сделаю. А пока расскажи про свои планы, – он смотрел на меня в упор. – Онлайн магазин одновременно с открытием магазина в центре? Это очень смело.

– Я долго копила, долго вынашивала план. Пора приступить к исполнению.

Лера сидела молча, мешая соломинкой лед в стакане. Она смотрела в телефон, делала вид, что проверяет почту, но я видела: она слушает каждое слово Влада, каждую его шутку.

– А ты сама из местных? – спросил он, наклоняясь ближе. – Я просто только недавно приехал, подумал, может, покажешь мне город? У вас, наверное, есть какие-то любопытные местечки.

– Город покажу, если фотографии будут на уровне, – ответила я с улыбкой.

– О, не сомневайся, я перфекционист и люблю делать все на высшем уровне, Эмилия. – Он произнес мое имя немного певуче, и его произношение, или что-то в его манере гово-

рить мое имя показалось мне до боли знакомым и отдалось щемящим чувством в груди.

Нет! И вовсе он на *него* не похож. Ничем. Ни капельки. Это – хороший, добрый, светлый парень. Это не *он* и ничего общего с ним не имеет.

Фу, Эмма, брось эту привычку всех мужчин сравнивать с этим предателем!

Лера встала:

– Я, наверное, пойду. Устала, голова болит. Эмилия Николаевна, завтра в девять в магазине?

– Да, до завтра Лерочка, – кивнула.

Она ушла, не допив пиво. Влад проводил ее взглядом, повернулся ко мне и тихо сказал:

– Хорошая девчонка, тебе повезло с помощницей, она горит твоим делом не меньше тебя.

– Как быстро ты подмечаешь детали, – улыbnулась я, оглядывая его и оценивая уже не как своего нанятого фотографа, а как молодого мужчину, с которым мне хорошо. Даже слишком.

– Я просто говорю то, что вижу. – Он чокнулся своим стаканом о мой. – За тебя. За нас. За то, что будет, если ты не испугаешься.

Я допила пиво и почувствовала, как тепло разливается по телу, но не от алкоголя. А от того, что этот наглый, талантливый мальчишка – мой будущий сталкер, кажется, уже вписал меня в свою историю и не собирался меня оттуда отпускать.

Настоящее

Лицо Влада показалось мне чужим – осунувшимся, постаревшим за один вечер.

– Я знаю, что ты не хочешь говорить, – сказала я, останавливаясь в нескольких шагах. – Но я не могу оставить тебя в таком состоянии.

– Думаешь, я решил утопиться?

– Н-нет... раньше так не думала, но теперь...

Он горько усмехнулся и снова повернулся к воде.

– Ты знаешь, что здесь случилось? – спросил он тихо.

Я подошла ближе. Дерево под ногами скрипнуло.

– Ты никогда не говорил. Расскажи мне, – попросила я. – Пожалуйста. Я хочу понять.

Влад молчал долго, а потом начал говорить сдавленным голосом, как будто груз тяжести того, что произошло не давал ему свободно дышать.

– У меня была сестра, на год младше меня. Алиса. Весной, три года назад она пошла с подругами на вечеринку к какому-то мажору.

Он кивнул в сторону темной воды.

– Двадцать два года, золотой мальчик, весь город у его ног. Он накачал ее чем-то, она была в сознании, но не владела собой... Он и его дружки воспользовались этим.

У меня перехватило дыхание.

– Господи... мне так жаль...

– Она вернулась домой, – продолжал он, не слушая меня.

– Мама вызвала полицию. Алиса все рассказала. Ее отвезли в больницу. Мудаков задержали. А потом... через три дня их отпустили. Экспертиза, сказали, неубедительная. Алиса, мол, сама была не против.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

– Я пошел к отцу. Думал, он все исправит. Пришел к нему в кабинет, рассказал, просил помочь. Знаешь, что он мне ответил?

Я покачала головой, хотя уже догадывалась.

– Он сказал: “Родители этого мальчика – влиятельные люди. У них деньги, связи. Даже если мы докажем вину, его никогда не посадят. Его отправят учиться за границу, и все забудется. Не надо воевать с ветряными мельницами”.

Влад повторил эти слова с омерзительной точностью. “Не надо воевать с ветряными мельницами”. Он часто так говорил.

У меня защипало в глазах.

– Алису начали травить. Вывернули так, будто она сама – шлюха. Она не выдержала. Через неделю она ушла из дома ночью. Пришла сюда. Ее тело нашли только через несколько дней. Мама чуть не сошла с ума.

Я шагнула к нему и взяла его за руку. Он не отдернул.

– А отец? – спросила я шепотом. – Он хоть на похороны

пришел?

– Нет. Она же не его дочь. Он и к родному сыну не приходит. Зато через месяц у него был новый контракт с отцом того мажора. Бизнес есть бизнес.

Влад повернулся ко мне. В его глазах стояли слезы, но он не плакал.

– Я не знала, – вздохнула я. – Влад, клянусь тебе, я не знала ничего об этом.

– Ты его любишь? До сих пор?

Вопрос прозвучал тихо, но ударил как пощечина.

– Нет, думаю, что нет. Мне было двадцать, он был старше, умнее, красивее. Он разбил меня. Я потратила годы, чтобы собрать себя заново. Я никому не рассказывала об этом по-настоящему. Даже тебе.

Влад посмотрел на меня долгим взглядом.

– Мы оба не можем от него убежать, да? – сказал он. – Он нас обоих сломал. Меня еще до рождения, отказавшись принимать, потом – через Алису. Тебя – через себя.

– Зачем ты приехал сюда? – спросила я. – Что ты хотел сделать?

Он поднял голову к небу, где за облаками угадывалась луна.

– Не знаю. Просто приехал. Здесь каждый раз что-то щелкает внутри. Я думал о том, что если бы я был сильнее тогда, я бы сам разобрался с тем мажором. Он уехал за границу, проживает свои лучшие дни. Его дружки – тоже. И никако-

го возмездия. Я никогда ни о чем его не просил. Никогда. А он... даже пальцем не пошевелил.

– Влад... Поехали домой, – сказала я, сжимая его ладонь.
– Здесь жутко холодно. Поговорим нормально.

Он повернулся и посмотрел мне в глаза.

– Прости меня, – сказал он. – За то, что я бросил тебя там. За то, что уехал. Я не горжусь этим поступком. Но... Это было выше моих сил. Я не мог оставаться там, где он. Я не мог смотреть на тебя, потому что боялся, что в твоих глазах увижу что-то, что меня добьет.

Я хотела сказать, что все в порядке, что я понимаю, что не нужно извиняться. Но не смогла, потому что я чувствовала – это не те извинения, после которых все становится хорошо. Это были другие извинения. Прощальные.

– Я тут подумал, – продолжил он. – Стоя у воды, я думал о том, как мы встретились. Как ты впервые улыбнулась мне в “Шепоте”, по особенному. Не так, как все. Как будто я мог дать тебе успокоение, которое ты ищешь. Я вдруг возомнил себя героем, решил вывернуться ради этого наизнанку. Я помню каждое твое слово о прошлом, Эмма.

Он замолчал. Я слышала, как он дышит – глубоко, прерывисто, словно собирается с силами.

– Я любил тебя, – сказал он. – Но я не могу на тебе жениться.

Сердце пропустило удар. Я замерла, вцепившись в его руку.

– Влад, я...

– Подожди, – он поднял руку, останавливая меня. – Дай мне договорить. Если я сейчас остановлюсь, я больше никогда не смогу этого сказать.

Он повернулся ко мне, и я увидела, что его глаза влажные.

– Сегодня, когда ты упала в обморок, когда я увидел, как он смотрит на тебя, как он называет тебя по имени, как ты побелела при его появлении... я понял кое-что. Я понял, что мы оба несем груз, который не разделить. Ты носишь свою боль от него. Я ношу свою. И эти боли не складываются в общее счастье. Они умножаются.

– Но мы всегда справлялись.

– Нет, – покачал он головой. – Мы не справлялись. Мы просто прятали их друг от друга. Ты никогда не рассказывала мне о нем. Я никогда не рассказывал тебе об отце и Алисе. Мы прятали друг от друга самые страшные части себя, думая, что так мы защищаем нашу любовь. А на самом деле мы строили дом на песке.

Он взял мою руку. Его пальцы были такими холодными. Он больше не был моим теплым пледом.

– Я не хочу, чтобы ты просыпалась каждое утро и видела рядом со мной его тень. Я не хочу, чтобы каждый раз, когда мой отец будет появляться в новостях или я буду вспоминать сестру, мы возвращались к нему. Я не хочу, чтобы наша жизнь стала бесконечным напоминанием о том, что нас сломал один и тот же человек.

– Влад, это нечестно, – прошептала я. – Ты принимаешь решение за нас двоих. Можно не устраивать свадьбу завтра. Это всегда может подождать. Тем более, у нас там кое-какие коллаборации... Но ты... Ты как будто прощаешься со мной. Ты вообще не оставляешь нам шанса?

– У нас его и не было, – ответил он. – Мы отлично ладили, стали близки друг другу, но я всегда знал и чувствовал себя вторым.

– Нет, это не так...

– Эмма... прошу не ври... Хотя бы себе.

Я замолчала. Внутри все болело, словно меня разрезали пополам.

Но где-то глубоко, под этой болью, я почувствовала странное облегчение.

Мы не могли начать совместную жизнь, неся каждый свой скелет в шкафу. Мы не могли стоять у алтаря, зная, что за нашими спинами стоит человек, который разрушил нас обоих – каждого по-своему, но одинаково жестоко.

По щекам потекли слезы. Я не пыталась их вытирать.

– Я понимаю, – сказала я тихо. – Я понимаю, Влад. И я злюсь. Знаю, что ты прав, но все равно злюсь. Просто мне пока тяжело это принять.

Он притянул меня к себе. Я уткнулась лицом в его плечо, вдыхая знакомый запах, чувствуя тепло его тела в последний раз.

Мы стояли так долго. Что-то хлопнуло в пруду. Где-то за-

лаяла собака. А мы стояли и не могли отпустить друг друга, потому что знали – как только отпустим, все закончится.

– Что теперь? – спросила я, когда смогла говорить.

– Теперь мы расстанемся, – ответил он. – По-хорошему. По-человечески.

– Я буду скучать, – захныкала я.

– Я буду скучать каждый день, – ответил он. – Но это лучше, чем однажды возненавидеть тебя за то, что ты напоминаешь мне о нем. Или возненавидеть себя за то, что я напоминаю тебе о нем.

– Я тебя люблю, – сказала я, понимая, что это правда. Но, кажется, этого ему недостаточно. И мне – тоже.

– Прощай, Эмма, – сказал он.

Не смогла ничего ответить, просто завывала.

Я плакала о нас, о нем, о его сестре, о его матери, о себе. Я плакала о том, что могло бы быть, но никогда не случится.

А где-то в глубине души, там, куда я боялась заглядывать, я чувствовала, что это правильно.

Что мы оба заслуживаем начать сначала – порознь, без груза, без теней, без общих ран. Что иногда любовь – это не про то, чтобы держаться до конца. Иногда любовь – это про то, чтобы отпустить, пока не стало слишком поздно.

Всю дорогу обратно в дом родителей я молчала и плакала. Романов вел машину ровно, не включал музыку, не пытался заговорить. Я чувствовала его присутствие – тактичное, не давящее. А он молодец! Эльчику повезло.

Я сжимала ремень безопасности пальцами до побелевших костяшек. В голове крутились обрывки разговора с Владом и уговаривала себя в том, что поступила правильно.

Закрыла глаза, и слеза скатилась по щеке, упала на колено, оставив темное пятно на итак уже изрядно испорченном (да еще и разорванном!) платье.

Я вытерла лицо тыльной стороной ладони. На руке больше не было кольца. Я отдала его Владу, глядя, как последние крупницы надежды умирают в его глазах.

Мы оба знали: между нами всегда будет стоять образ его отца. Я не могла выйти замуж за сына человека, который разбил меня, а он не мог жениться на той, кто упал в обморок при виде бывшего.

Дима молча протянул мне салфетку. Я взяла ее, вытерла глаза, потом нос. Шмыгнула. Он ничего не сказал. Умный парень. Не лез. Просто вел машину, глядя на дорогу, и я была ему благодарна за эту тишину.

Мы выехали за город. Мелькали сосны, дачные участки, заборы. Я смотрела на них и постепенно чувствовала, как лед

внутри начинает трескаться. Не таять – но давать трещины.

Я глубоко вдохнула, выдохнула и повернулась к Диме.

– Так что? Твое предложение стать завтра женихом все еще в силе? – сказала я хрипло. – Когда ты ей предложение сделаешь?

Дима дернул плечом, поправил зеркало заднего вида. Я видела, как он сжал руль чуть крепче.

– Да, – выдохнул он. – Но сначала спрошу разрешения у вашего отца.

– О, господи, ты что из девятнадцатого века, мистер Дарси?

Я невольно улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

В нем было столько искреннего мальчишеского волнения, что на миг я забыла о своем горе.

Дима – огромный, серьезный мужчина, босс моей сестренки, который руководил целым издательством и не моргнув глазом разруливал кризисы, – сейчас выглядел как школьник перед экзаменом.

– Ты боишься, что она откажет? – спросила я.

– Ну, а вдруг? – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Мы вместе меньше недели... Вдруг она скажет, что рано?

Я фыркнула. Почти искренне.

– Романов, ты видел, как она на тебя смотрит? Она смотрит на тебя так, будто ты – ее личное солнце. Если ты не сделаешь ей предложение, я тебя удушу, ей-богу.

Он рассмеялся. Коротко, нервно, но рассмеялся.

— Ладно, ладно. Я понял, что тебя лучше не бесить. Кольцо вот. — Он кивнул на бардачок. — Как это ни странно, купил вчера...

— Это судьба, Романов, — сказала я, улыбаясь, искренне радостная за сестру. Она столько всего пережила — заслужила счастье. Хоть кто-то из нас.

Дима замолчал. Я видела, как дрогнули его пальцы на руле.

— Я люблю ее, Эмма. И уже давно, — сказал он просто. — Очень! И я боюсь, что облажаюсь. Что скажу что-то не то. Что встану на одно колено, а она заплачет, но не от счастья, а от испуга.

— Она заплачет от счастья, — твердо сказала я. — Элечка хоть и нежное создание, но не глупая. Она ждала тебя всю жизнь. Ты просто еще не понял этого.

Дима сбавил скорость, повернул на грунтовку. Впереди показался дом, где нас уже ждали.

Там была Эля, моя сестра, которая завтра станет невестой. Не я. А мне бы хорошенько прореветься сегодня. А потом остаться одной недели на две.

Но глядя на то, как Дима сжимал руль и пробормотал про себя текст речи для моего отца, я вдруг почувствовала странное облегчение. Хотя бы у них все будет хорошо. Хотя бы они не повторяют моих ошибок.

— Будь собой, мистер Дарси, — сказала я, похлопав его по плечу. — Мой папа видит людей насквозь и ты уже давно про-

шел его фейсконтроль. Поверь мне.

Дима остановил машину, заглушил мотор и повернулся ко мне. В темноте салона его глаза блестели.

– Спасибо, – сказал он коротко.

Я промолчала.

– И... мне жаль, что все так вышло, – сказал он.

– Мне тоже, зятек... мне тоже...

Дверь родительского дома была открыта нараспашку.

В прихожей пахло цветами, табаком и корвалолом. Из гостиной доносились тихие голоса.

Я замерла у порога, разглядывая свои туфли, покрытые грязью и травой. Платье висело на мне, как мешок.

– Эмма! – Мама выбежала первой, увидела мое лицо, и ее руки, протянутые для объятий, замерли в воздухе. – Детка, ну что? Влад... вы поговорили?

– Свадьбы не будет, – сказала я ровно. – Извините, я пойду в комнату.

Папа появился в дверях гостиной. Он стоял, скрестив руки на груди, и в его взгляде было что-то воинственное. Он не спросил ничего. Он просто посмотрел на меня, потом куда-то в сторону, и я проследила за его взглядом.

Среди гостей, среди родственников, среди друзей семьи, которые пришли на ужин и до сих пор не разошлись, стоял Давыдов.

Он держал бокал, прикладывал его к разбитой губе. Глаза у него были виноватые и прикованные ко мне.

Я не спрашивала. Просто перевела взгляд на отца – и увидела ссадины на его костяшках. Он не прятал их, как и гордого, удовлетворенного выражения лица.

Мой папа, который никогда ни с кем не дрался, сегодня кого-то ударил. За меня.

– Эмма, – мама тронула меня за плечо. – Может, чаю? Или коньячку?

Но я не слышала ее. Давыдов поставил бокал на стол и направился ко мне. Он шел через гостиную, сквозь расступающихся родственников, сквозь тишину, которая вдруг повисла в комнате. Он подошел вплотную, на расстояние вытянутой руки.

– Эмма, – сказал он тихо. – Нам нужно поговорить.

– Нам?! – мой голос сорвался. Я не кричала – я рычала. – Ты только сейчас пришел с объяснениями?! А еще восемь лет чего не дождал?! Приперся именно в этот день?!

Я толкнула его в грудь. Изо всех сил. Он пошатнулся, ударился спиной о косяк, бокал на столе звякнул. Я орала, и голос срывался, хрипел, но я не могла остановиться.

– Ты предал меня! Ты предал сына! Ты предал всех, к кому прикоснулся! Убирайся из моего дома! Убирайся из моей жизни! Я ненавижу тебя! Ты слышишь? НЕНАВИЖУ!

Последнее слово я выкрикнула так, что в горле запершило, и я закашлялась. Кто-то ахнул. Кто-то взял Давыдова под локоть и повел к выходу. Я стояла, тяжело дыша, и чувствовала, как дрожат руки.

– Эмма, пойдём, – Эля обняла меня за талию, мягко, но настойчиво потянула за собой. – Пойдём, тихо, тихо. Все уже.

Она повела меня по коридору, мимо гостиной, мимо кухни, в мою комнату. Я не сопротивлялась. Ноги подкашивались. Я чувствовала себя выжатой, пустой.

Эля открыла дверь, и я шагнула внутрь. Здесь все было так же, как в день, когда я съехала к Владу.

Я долго жила с родителями не потому что “птичка не созрела вылететь из гнезда”, а потому, что моей целью было открыть свое производство одежды и магазин. Каждая копейка шла в бизнес.

Младшенькая довела меня до кровати и я упала на нее лицом вниз. Платье было мокрым от слез, пыльным от дороги, тяжелым, как... как вся моя жизнь. Я не снимала его. Просто лежала и смотрела в стену, как безумная.

Эля ушла и вернулась через минуту. Я слышала, как она поставила кружку на тумбочку, как звякнула ложка, как зашелестел блистер с таблетками. Она подошла ближе.

– Пей, – сказала она мягко. – Чай с мятой. Я дам тебе половинку успокоительного.

Я перевернулась на спину, приподнялась и приняла из ее рук чашку. Горячая керамика обожгла ладони, и это было единственное, что я чувствовала в тот момент.

Пила мелкими глотками, обжигаясь, не ощущая вкуса. Эля села на край кровати, сняла с меня туфли, поставила их

ровно рядом с кроватью.

– Одежду снимешь? – спросила она.

Я покачала головой. Не было сил даже на это.

Эля вздохнула, забрала пустую кружку, поставила ее на пол, а потом просто легла рядом. Она придвинулась, обняла меня, притянула к себе. Я повернулась к ней спиной и слезы потекли снова – тихо, без всхлипов, просто рекой.

– Мы с Владом расстались, – тихо прошептала я.

Младшенькая крепче прижала меня к себе и чмокнула в затылок. Ничего не сказала. Мне достаточно было того, что она была рядом.

– А где Эрика? – спросила я, чувствуя, что для настоящей силы сестринских объятий не хватало третьей, старшей сестры.

– Ее "плюс один"... Ну, тот, что врач-гинеколог. Он увел ее в комнату.

– Сейчас лечить, будет, поди...

Мы обе тихо усмехнулись.

(прим. автора. Роман об Эрике и ее враче-Жене можно найти тут: ["Брат мужа. Наследник любой ценой"](#))

Забавно, когда я говорила о других мне было легче. Не думать о себе сейчас было спасением. Не говорить о том, в каком дерьме я оказалась – как будто этого не случилось.

– Она сказала, что уже давно его любит, представляешь? – призналась по секрету сестра.

– А ты – своего босса? Не знала, кстати, что он так быстро

развелся с твоей подругой.

– Они и сами не поняли, зачем вообще поженились, – вздохнула Эля.

– Зато мы точно знаем из-за кого развелись, – констатировала я.

– Я не специально, – засмушалась Эля. Наша скромница, пишущая далеко не скромные романы.

– У нас с Эрикой была теория, почему ты его боялась все это время.

– ?

– Потому, что сильно хотела. Так сильно, что самой было страшно.

– Хорошая теория.

– А он – хороший мужик.

– Ты это поняла по одной только поездке с ним?

– Да. А еще по тому, что нам рассказал папа полгода назад.

Помнишь, когда ты попала в больницу и чуть не умерла?

– Помню. К сожалению.

– Так вот твой босс, который тогда тебя привез в больницу, узнав, что врачи тебя спасли и что ты будешь жить – куда-то резко смылся. А папа его застукал на заднем дворе больницы. И он, говорит, что твой Романов плакал, как ребенок.

– Уу-у-у, я сейчас тоже расплачусь! – заскулила Элечка. – Какой он хороший! Блин, я так его люблю!

– Только он, почему-то в этом сомневается.

– Ну... я ему этого еще не говорила...

– Так! Это что еще такое, женщина?! – я деланно заворчала. – Бегом иди и сейчас же скажи. И пусть он тебя тоже полечит, что ли... Оттого люди и женятся на ком ни попадя, потому что ртом нормально разговаривать не могут...

Я замолкла, понимая, что начинаю говорить о себе. Плечи невольно напряглись. И Эля, заметив это, решила, что лучший способ меня расслабить обратно – забить голову скучной чепухой.

– Помнишь, – сказала она тихо, глядя меня по голове, – как мы маленькими прятались в шкафу, и думали, что попадем в Нарнию? А ты пугала меня Джеймсом Макэвой на копытах?

– Его звали мистер Тумнус, дурочка! – улыбнулась я, зевая.

– Не важно, я его до усрачки боялась. Я до сих пор этого актера не люблю.

– Ты – чудик!

Я всхлипнула, но не ответила.

– А помнишь, как мы катались на велосипеде и я въехала в папину машину, а ты взяла вину на себя?

Я дернула уголком губ. Почти улыбнулась.

– А помнишь, как мы впервые выпили вино из папиного погреба? Ты сказала, что у тебя кружится голова, споткнулась на ступеньках и упала, и я испугалась, что ты умираешь, и побежала будить папу.

– Он до сих пор это вспоминает, – прошептала я.

– Конечно, – Эля погладила меня по спине круговыми движениями, как в детстве. – Потому что мы добрались до его самой дорогой бутылки.

– Потому что она выглядела самой пыльной и стремной, мы решили, что он не заметит ее отсутствия.

– Зато он заметил ее присутствие... на ковре, когда тебя на него стошнило.

– Классная мы семья, – сонно заключила я.

– Мы все тебя любим. И никто, слышишь, никто не посмеет тебя больше обидеть.

Я молчала. Успокоительное начинало действовать, веки тяжелели, комната плыла.

Эля все говорила и говорила, перескакивала с одного воспоминания на другое: как мы ходили в походы, как я учила ее делать французскую косичку, как мы крали у мамы помаду и красились перед зеркалом.

Ее голос становился все тише, все теплее, и я чувствовала, как боль уходит и засыпает где-то внутри.

– Спи, – сказала она, когда мои глаза закрылись окончательно. – Пойду позову маму. Она побудет с тобой.

Я провалилась в сон раньше, чем она ушла.

Я уехала вечером после того, как Эля вышла замуж за Диму.

Сестра была счастлива. Я видела это по ее глазам, по тому, как она сжимала руку Романова, как смеялась, запрокидывая голову.

И я решила: хватит. Хватит быть жертвой. Хватит сидеть и ждать, пока боль рассосется сама.

Я собрала небольшую сумку, пару кроссовок, футболок термос, загрузила обновленную карту в навигатор, скачала любимую музыку, взяла у папы кабриолет и уехала.

Родителям сказала, что еду к подруге в Питер, но соврала. И они знали, что я вру, но отпустили. Мама только перекрестила меня в дверях и сунула в карман куртки свою банковскую карту – “на всякий случай”.

Я рассмеялась тогда. От нежности. От бессилия.

Хорошо, что на работе меня и так никто не ждал. Я ведь должна была сейчас ждать рейса на свое свадебное путешествие, в которое отправились... новоиспеченные Романовы.

У меня впереди две недели. А понадобится больше – кто мне запретит?

Первые три дня я ехала без остановок до Казани. Останавливалась только заправиться и купить кофе. Спала в машине на парковке, или у торгового центра.

Проснулась однажды от того, что затекла шея, и какой-то мужик стучал в стекло – думал, я умерла. Я опустила крышу, сказала: “Живая-живая”, и он ушел, покачивая головой.

В Казани я встретила Илью. Мы познакомились в баре, где я сидела одна и пила глинтвейн, глядя в телефон без единого уведомления. Он подсел сам, сказал, что у меня печальные глаза и что он художник.

– Ну, конечно, художник! – усмехнулась я. – Сейчас начнешь исполнять про душу и свет?

Но он не начал. Он просто сидел рядом, молчал, а потом спросил:

– Можно я тебя нарисую?

И я почему-то согласилась. А что я теряю?

Он рисовал меня всю ночь. Я, видимо, совсем страх потеряла, или как так доверилась незнакомцу и согласилась увезти меня к нему в мастерскую? Не повторяйте моих трюков, они могут быть опасны для жизни, девочки. Никто не утверждает, что я умная.

В мастерской (которая оказалась и правда мастерской, и довольно приличной!) я сидела на старом диване, пила дешевое вино, а он водил углем по бумаге и молчал.

Иногда поднимал на меня глаза, и я ловила себя на мысли, что мне нравится, как он смотрит. Будто я не просто человек, а что-то важное. Ценное. Достойное того, чтобы потратить на это ночь.

Потом мы оказались в постели. Это было совсем не ро-

мантично. Грязно и пошло. И совсем на меня не похоже.

Я закрывала глаза и представляла, что это не я, что это другая девушка, смелая и свободная, которая может переспать с незнакомцем и не чувствовать потом ничего.

Но я чувствовала.

Наутро, когда он спал, я тихо встала, подошла к его работе и увидела портрет, который он оставил на мольберте. Там была я – с распущенными волосами, со следами слез на щеках, с пустыми глазами.

Я смотрела на этот рисунок и чувствовала, как горят щеки. Мне стало стыдно. Стыдно за то, что я позволила чужому человеку увидеть меня такой. Раздетой не телом, а душой.

Уехала, не попрощавшись. Оставила записку с одним словом: “Спасибо”. И номер телефона, который он, наверное, выбросил. Я бы выбросила.

Дальше был Байкал.

Я гнала машину сутки, почти без сна, останавливаясь только чтобы умыться, поесть и заправиться. Когда я наконец увидела его – серый, бескрайний, холодный, – я вышла из машины, разулась и зашла в воду прямо в джинсах.

Было холодно. Так холодно, что перехватило дыхание, а ноги онемели мгновенно. Я стояла по колено в воде, смотрела на горизонт и чувствовала, как озеро забирает мою боль. Капля за каплей, градус за градусом.

Я набрала в ладони воды и умылась. Чистая, ледяная влага стекала по лицу, смешалась со слезами, и я заплакала. В

первый раз за всю поездку я заплакала по-настоящему – навзрыд, стоя в воде, как дура, и молясь непонятно кому, чтобы стало легче.

Стало. Не сразу, не магически, но отпустило.

Потом были горы. Я поехала на Алтай, потому что никогда там не была и потому что хотела забраться выше, туда, где воздух разреженный и голова кружится не от горя, а от высоты.

Я ночевала в палатке, одна, слушала вой ветра и треск костра. Познакомилась с парнем по имени Сергей – он жил в домике у подножия горы и водил туристов в походы.

Сказала, что хочу на вершину. Он посмотрел на меня, на мои городские кроссовки и сказал: “Ты не дойдешь”. А я дошла. Через шесть часов, сбив ноги, ободрав ладони о камни, плача от усталости и злости, я стояла наверху и смотрела на облака внизу.

Я кричала. Кричала так громко, что сорвала голос и потом два дня говорила шепотом. Кричала все слова, которые копились внутри. И горы молчали. Они не осуждали. Они просто слушали.

За эти две недели я сделала сотни фотографий. Себя на фоне Байкала, себя на вершине горы, себя в придорожном кафе с грязными волосами и счастливой улыбкой, себя спящей в машине, себя смеющейся с незнакомыми людьми у костра.

Я выкладывала их в соцсеть одну за другой, лайкала ком-

ментарии, отвечала на вопросы “где ты?” и “как ты?”.

И только внутри я знала правду: это была глупая, отчаянная попытка доказать себе и всем, что я живу. Что я не разбита. Что я справилась.

Но на самом деле я просто убегала. От себя, от прошлого, от неопределенного будущего. Я заполняла ленту фотографиями, как будто заклеивала дыры в стене плакатами, – чтобы не видеть трещин.

Вечером последнего дня я сидела у костра в горах, смотрела на звезды, которых в городе не видно, и вдруг поняла: я не знаю, что делать дальше.

Домой возвращаться страшно. Остаться здесь нельзя. Идти некуда.

Но звезды горели ровно, и костер трещал, и я вдруг подумала: может, это и есть жизнь? Без плана, без гарантий, просто – ехать дальше, пока не найдешь место, где захочешь остаться.

Я не нашла его тогда. Но я хотя бы искала. И это уже было чем-то.

Возвращение домой было не таким, как раньше. Когда обычно приезжаешь с отпуска, от всего отвыкаешь, тормозишь и трудно включаешься в ту жизнь, которую жил раньше.

Но мне некуда было включаться. У меня уже не было “той” жизни. И новую я не продумала. Я словно застряла в двух состояниях: “свободная я на машине” и “я здесь и сейчас до-

ма”.

И я поняла, что могу навсегда остаться в таком подвешенном состоянии, в состоянии гранаты, у которой может сорвать чеку в любой момент. И я даже знаю, кто именно может ее сорвать...

Если. Если не поговорю с Константином, то у него всегда будет эта чека.

Дверь мастерской я открывала с тяжелым сердцем. На секунду замерла на пороге, втягивая знакомый запах ткани, ниток, уюта и особенного воздуха, который бывает только в местах, где рождаются вещи.

Две недели свободы, дороги и ветра закончились. Я вернулась.

Не успела я снять пиджак и повесить ее на крючок, как из глубины мастерской вылетела Лера. Она неслась на меня, размахивая планшетом и стопкой бумаг, которая угрожающе колыхалась в ее руках, как перегруженный корабль в шторм.

– Эмма! – закричала она еще из коридора. – Ты вернулась! Боже, я уже думала, что ты решила остаться там навсегда, уйти в отшельники и шить одежду из байкальских водорослей!

Она накинулась на меня, обняла так крепко, что я пискнула и рассмеялась, хотя внутри все еще было... зыбко.

Лера отстранилась, окинула меня цепким взглядом, будто проверяла, не потеряла ли я что-то важное за эти две недели странствий.

– Ты загорела, – сказала она одобрительно. – И выглядишь отдохнувшей. Хотя глаза все равно грустные.... Ладно, об этом потом. Садись, у меня куча новостей, и половина из них хорошие, если верить в лучшее.

Она усадила меня на стул, сунула в руки чашку кофе, и начала выкладывать передо мной листы эскизов, накладные, фотографии образцов тканей, образцы фурнитуры.

Я моргала, пытаюсь ухватить суть, но Лера говорила быстро, почти не переводя дыхание.

– Смотри, – она ткнула пальцем в верхний лист. – Заказ от Веры Соколовой. Она шьет коллекцию к своему юбилею, хочет три вечерних платья, эксклюзивных, ручная работа, вышивка, кружево ручной работы, по ее эскизам. Я согласовала цену, заказ хороший, но сроки – три недели, и это с учетом того, что кружево мы заказываем у наших проверенных мастеров, а они не всегда успевают.

Я кивнула, рассматривая эскизы. Платья были красивыми. Сложными. Интересными.

– Дальше, – продолжила Лера, вытаскивая следующий лист. – Сергеева помнишь? Она открывает бутик в новом бизнес-центре на набережной. Она хочет, чтобы мы сделали для нее капсульную коллекцию – от повседневных платьев до костюмов для переговоров. Дорогие ткани, лучшая шерсть, натуральный шелк. Она видела наши прошлые работы и сказала, что хочет именно нас.

– Ого! Это... круто.

Я присвистнула, глядя на цифры в договоре. Хороший бюджет. Очень хороший. Работы много, но это тот случай, когда оно того стоит.

– И еще, – Лера сделала паузу и посмотрела на меня с вы-

ражением, которое я знала: что-то неприятное. – Ты садись ровно и держись за стул. Нам подняли аренду. Сказали, что это из-за роста коммуналки и общего повышения ставок в районе. Но вообще все вранье – это из-за нового владельца.

Внутри что-то сжалось. Мы и так едва-едва вытягивали этот магазин – небольшой, светлый, с витриной, где мы выставляли самые красивые вещи.

В хорошие месяцы удавалось отложить часть прибыли. В плохие – едва сводили концы с концами. Аренда была нашей самой большой статьей расходов.

– Я знаю, что ты сейчас подумаешь, – быстро заговорила Лера, видя мое лицо. – Но я же не просто так сидела эти две недели. Я нашла варианты. Есть помещение в соседнем дворе, дешевле на треть, и площадь больше. Правда там нужен косметический ремонт. Но если мы возьмем оба спецзаказа – Соколову и Сергееву – то потянем и ремонт, и переезд, и аренду на новом месте. Я все посчитала.

Она сунула мне в руки блокнот с цифрами. Я пробежала глазами по столбцам расходов и доходов, и внутри медленно оттаял холодок. Если мы справимся. Если я выдержу эти месяцы без продыха. То все получится.

– Еще одна новость, – Лера понизила голос, хотя в мастерской никого, кроме нас, не было. – Если мы съедем в другое помещение предложили такую штуку: скидка десять процентов для клиентов, у которых квартиры в собственности на верхних этажах. Какая-то партнерская программа. Я по-

думала, что ты просила меня подыскать тебе квартиру, связаться с риэлторами... но почему бы не посмотреть что-то?

– Предлагаешь жить на работе? – с грустной улыбкой отозвалась я.

– Ну почему же? Это удобно, да и квартиры студии тут неплохие, тем более, когда живешь один и постоянно пропадаешь на работе – поездки домой накладно и отнимают время и... ой, прости...

Моя болтливая помощница только что поняла, как это прозвучало в рамках моей ситуации.

Я коснулась ее плеча, подбадривая.

– Все нормально, ты права, Лер, не переживай. Гляну я, что они там предлагают. Ты молодец, Лера, – сказала я в итоге, откладывая блокнот. – Спасибо, что держала все под контролем.

Лера отмахнулась, но я видела, что ей приятно. Она помолчала, перебирая бумаги, а потом спросила, чуть осторожнее, чем говорила до этого:

– Слушай, Эмма. Я видела твои фотографии в соцсетях. Байкал, горы, эти придорожные кафе, где ты пила кофе из железных кружек. Это было красиво. Очень красиво. Я даже сама задумалась: может, взять отпуск и тоже куда-нибудь поехать? Просто сесть в машину и уехать. Без плана. Без брони. Как ты.

Я улыбнулась краешком губ.

– Поезжай. Это того стоит. У тебя давно не было отпус-

ка... — я задумалась. — Постой, а он у тебя вообще был?

Лера кивнула, и я заметила, как она отвела взгляд. Она хотела что-то спросить — я чувствовала это в паузе, в том, как она теребила край планшета. Но она не спросила. Ни про Влада. Ни про срыв свадьбы на ужине у родителей. Ни про то, что случилось между мной и Давыдовым-старшим после.

Она просто тактично молчала.

Я была ей благодарна за это молчание. Больше, чем могла выразить.

— Ладно, — сказала я, вставая со стула. — Давай работать. Мне нужно разобрать заказы, посмотреть ткани и понять, как мы будем выкручиваться с этой арендой.

Лера кивнула и вернулась к своему столу. Я прошла вглубь мастерской, к своему рабочему месту, где стоял манекен, обернутый полуготовым платьем из прошлой коллекции. Я дотронулась до ткани, провела пальцами по шву, и на минуту мне показалось, что я снова дома. Что мастерская — это то место, где я могу спрятаться от всего, что не могу исправить.

Я взяла ножницы, отрезала нитку и начала работать. На стене висел эскиз будущего платья, который я набросала за кофе в придорожной закусочной где-то за Уралом. Я смотрела на него и чувствовала, что внутри снова просыпается тот огонь, ради которого я когда-то пошла в эту профессию.

Работа лечила. Работа давала силы не думать о том, что было вчера. И она ждала меня.

– Лерка, это – пушка-бомба!

Я стояла напротив стеклянной высотки и не могла поверить своим глазам. Вот это мощь!

Впервые с того злополучного ужина перед свадьбой, я почувствовала что-то похожее на азарт.

Лера стояла рядом и нервно перебирала ключи.

– Глядя на это, я даже немного рада, что нам придется сюда съехать.

Я скрестила пальцы, мечтая, чтобы пространство, которое нам предложили под аренду, оправдало ожидания. Но когда распахнула стеклянную дверь нового помещения, я замерла.

Это не просто оправдывало ожидания, это их превзошло!

Огромные панорамные окна, выходящие прямо на пешеходную улицу. Дневной свет заливал комнату, делая ее воздушной и просторной.

Я представила, как выставлю в витринах наши новые коллекции: платья из льна, шелковые блузы, пальто с необычными воротниками. Прохожие будут останавливаться, рассматривать, заходить внутрь. Это была витрина, которая сама продавала себя.

Лера заметила мой взгляд и улыбнулась:

– Цена ниже, чем мы платим сейчас. Даже с учетом переезда и небольшого косметического ремонта – тут будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.